

Я сделаю это за тебя

На следующее утро, едва Чу Юань поднялся с постели, евнух Сыси принёс ему горячий завтрак. Он рассказал, что князь Синаня лично ходил на рынок, выбрав исключительно лёгкие и пресные блюда.

— На улице кто-то справляет траур? — Чу Юань слегка нахмурился.

— Отвечаю Вашему Величеству: это жители города собрали деньги и пригласили почтенного монаха, чтобы провести заупокойную службу по погибшим старикам, — сказал Сыси. — Хотя благотворительный приют опечатан, и покойников пока невозможно предать земле, чтение сутр прямо на улице — это дань уважения и искреннее желание помочь от местных жителей.

В этот момент в комнату вошел Дуань Байюэ, держа в руках свёрток с едой. Евнух Сыси всё понял и благоразумно удалился.

— Твоему носу уже лучше? — спросил князь.

Чу Юань кивнул и, отодвинув стул, сел за стол.

— Успел взять только это, ешь, пока горячие, — Дуань Байюэ развернул бумажный сверток. — Жареные цзяоцзы с добавлением местной сушеной рыбки.

Чу Юань поморщился:

— Сильно пахнет рыбой.

— Ты ведь еще даже не попробовал, откуда знаешь, как пахнет? — Дуань Байюэ плеснул немного уксуса в стоявшее перед императором маленькое блюдце и положил туда один цзяоцзы. — Ну же, попробуй.

Чу Юань откусил кусочек. Начинка оказалась сочной, а вкус — на редкость изысканным.

— Ну как? — поинтересовался князь.

Император отложил палочки и отвёл взгляд к окну:

— Все равно отдаёт рыбой.

Дуань Байюэ с улыбкой покачал головой и подвинул ему пиалу с овощной рисовой кашей.

— Можно ли разузнать что-то еще о тех телах из приюта? — спросил Чу Юань, снова откусив пельмень.

— Мы ведь сейчас завтракаем, неужели ты действительно хочешь говорить о трупах? — усмехнулся Дуань Байюэ.

— Хочу, — отрезал тот.

— В те тела подсадили гу уже после смерти. Насекомые источили и деформировали кости, а последующий пожар довершил дело. Теперь даже самый опытный врач вряд ли признает в погибших молодых людей, — заговорил Байюэ. — Что же касается тела Сунь Маня, ему дали гу, когда он был ещё жив, но уже при смерти. Поэтому его останки и отличаются от прочих. При беглом осмотре это незаметно, но если приглядеться, можно увидеть разницу.

Чу Юань, конечно же, отложил палочки и перестал есть.

Дуань Байюэ с досадой вздохнул:

— И почему я только не заставил тебя сначала доесть?

— Можно понять, откуда доставили эти тела? — проигнорировав, снова спросил Чу Юань.

— Они слишком сильно обгорели, — покачал головой тот. — Мои люди уже проверили городские погосты* для бедных — там нет следов свежих раскопок, да и слухов о пропавших телах или разграбленных могилах не ходило.

*Погост — старинное название, которое в современной лексике чаще всего обозначает небольшое уединенное сельское кладбище.

— Значит, мертвецов привезли сюда из других мест, чтобы незаметно подменить стариков из приюта, — рассудил император. — Обычно в приюте жили двадцать пять человек, и убийцы заготовили ровно двадцать пять тел. Кто же знал, что в ночь поджога там окажется лишний человек? В спешке, чтобы не сорвать план, они бросились искать замену на улицах и наткнулись на Сунь Маня, который шёл на тайное свидание. Его-то и лишили жизни.

Дуань Байюэ согласно кивнул:

— В этот город постоянно ввозят крупные партии товаров, так что доставить сюда мертвецов было не так уж сложно. А вот вывезти двадцать шесть живых людей — совсем другое дело, тут нужна серьезная подготовка. К тому же после пожара поставили серьезную охрану на выезде, что и комар не пролетит. Судя по всему, стариков из приюта с большой вероятностью всё ещё прячут где-то в городе.

— Но зачем? — Чу Юань нахмурился.

— Все те, кто жил в приюте, были старыми плотниками, — Байюэ постучал пальцами по столу, напоминая: — А старик Мучи ведь тоже был старым мастером.

— Секта Тяньша?

Дуань Байюэ подтвердил:

— Похищение стольких старых мастеров... Похоже, Лань Цзи задумала взломать какой-то древний механизм.

— Но почему именно сейчас? — недоумевал правитель. — Она прекрасно знает, что Я в Даяне. Даже если она схватила людей, ей едва ли удастся вывезти их.

— Чтобы припугнуть Сюй Чжицю, — пояснил князь. — Не будь здесь тебя, он оставался бы полновластным хозяином города, и эта демоническая секта вряд ли смог бы его запугать. Но теперь любая оплошность заставит его трепетать от страха. Если Лань Цзи хочет использовать его или перетянуть на свою сторону, для неё это лучший момент.

— Искренне жаль старого министра Сюй, всю жизнь отличавшегося верностью и честностью, — Чу Юань покачал головой. — Сын его вырос совершенно никчемным.

— Истина еще не открылась нам до конца, так что судить об этом рано, — заметил князь. — Что до тел из приюта, завтра предадим их земле, как полагается. Это заставит Лань Цзи ослабить бдительность — пусть думает, что мы ничего не заподозрили.

— Хорошо.

— Раз уж с телами покончено... Ты всё ещё намерен сегодня ночью навестить кабинет в резиденции Сюй? — спросил Дуань Байюэ.

— Намерен.

Тот улыбнулся:

— Тогда после полудня поспи подольше, чтобы хватило сил бодрствовать всю ночь напролет ради расследования.

Заметив круги под глазами князя, Чу Юань хотел было что-то сказать, но смолчал и просто отпил глоток каши.

Дуань Байюэ без отдыха мчался в Даянь, сразу же попал на пожар в приюте, и, похоже, лишь прошлой ночью ему удалось поспать несколько часов. И все же на рассвете он пошёл на рынок за завтраком. Подумав об этом, Чу Юань, хоть и потерял аппетит из-за мыслей о мертвецах, всё же заставил себя доест порцию жареных цзяоцзы и осушить пиалу с кашей, после чего отправился в кабинет заниматься государственными делами.

Как только император ушёл, Дуань Байюэ собрался было заглянуть на постоянный двор, где сам остановился, но в дверях наткнулся на Сыси. Тот процитировал наказ повелителя: если у князя Синаня нет неотложных дел, пусть отдыхает после полудня здесь, в казенном подворье, и больше никуда не сбегает.

Молодой мужчина невольно рассмеялся:

— Никуда больше не сбегать?

Сыси, спрятав руки в широкие рукава, тоже заулыбался:

— Таковы были слова Его Величества.

Дуань Байюэ с радостью согласился, а если говорить начистоту — он только этого и желал.

Последние дни выдались и впрямь изнурительными, так что стоило его голове коснуться подушки, как он погрузился в глубокий сон. Вокруг царила идеальная тишина — ни человек, ни даже мышь не смели нарушить его покой. Отряд императорской гвардии, окруживший дворик, терялся в догадках: император работает в кабинете, так отчего же он приказал стеречь пустые покои? Неужели там спрятано какое-то бесценное сокровище?

Когда опустились сумерки, Чу Юань вернулся из кабинета. Сыси тут же доложил, что князь Юго-Запада проспал весь день, не просыпаясь.

Дуань Байюэ лежал на кровати, лениво прислушиваясь к звукам снаружи, и уголки его губ поползли вверх. Как мастер боевых искусств, он проснулся еще в тот момент, когда скрипнула калитка, но подавать голоса не стал, поджидая, пока его придут разбудить.

Дверь действительно приоткрылась.

Дуань Байюэ повернул голову и увидел вошедшего евнуха Сыси.

— ...

Князь невозмутимо отвернулся обратно и уставился в потолок.

— Император ждёт князя к ужину, — сказал Сыси, стоя у кровати. В его глазах светилась лукавая, понимающая улыбка.

«В этот раз император не пришел сам, но кто знает, быть может, придет в следующий? Нрав у Его Величества непредсказуемый, так что унывать точно не стоит».

Дуань Байюэ глубоко вздохнул, поднялся, умылся и направился в соседние покои.

Еда на столе снова была пресной, а банку с острыми приправами убрали.

Дуань Байюэ с невозмутимой улыбкой смотрел на огромную чашу пресного жареного риса. Чу Юань ел молча, не обращая на него внимания.

— Сюда добавлены древесные грибы, а бульон сварен свежий — для укрепления сил, — прислуживал у стола Сыси.

— Прекрасно, — Дуань Байюэ взял палочки и отправил в рот внушительную порцию.

Еда, как и ожидалось, была совершенно безвкусной, но на душе у него потеплело.

А все из-за тех слов, оброненных евнухом: «Император особо велел готовить пресное, всё ещё тревожась о внутренних ранах Вашего Высочества».

Ради такой заботы он бы без колебаний проглотил не то что пресный рис, но и ядовитых скорпионов или самую горькую микстуру.

□□□

В кабинете резиденции Сюй все оставалось нетронутым — очевидно, Сюй Чжицю так и не заметил ночного визита. На сей раз Дуань Байюэ спрятал светящуюся жемчужину* в полупрозрачный шелковый мешочек: даже в отсутствие лунного света она давала ровно столько сияния, чтобы можно было разобрать, что написано.

*Это какая-то другая жемчужина, не та, что из первых глав.

Чу Юань, низко наклонившись, быстро переписывал тайные счета. Дуань Байюэ охранял его рядом, ни на миг не отводя взгляда от его профиля. В народе поговаривали, что покойная императрица Великой Чу обладала неопишуемой, божественной красотой. Глядя на Чу Юаня, в этом нельзя было усомниться — иначе как у нее мог родиться столь статный и благородный сын?

— Готово, — Чу Юань подул на чернила, высушивая их, и вернул все вещи на свои места. — Уходим.

По правде говоря, Дуань Байюэ не хотелось уходить так скоро. Но Чу Юань уже перешагнул порог. Скрыв вздох, князь последовал за ним.

— Осторожнее с огнём! Воздух сухой, берегитесь пожара! — выкрикивал на улице ночной сторож, обходя кварталы.

Вокруг не было ни души. Дуань Байюэ внезапно перехватил запястье своего спутника и увлёк его за собой, прыгнув со стены в незнакомый внутренний дворик, чтобы побыть наедине...

— Господин... — доносились отовсюду сладкие голоса. Под карнизом покачивались два ряда ярко-алых фонарей. Это был бордель.

Дуань Байюэ:

— ...

Чу Юань сперва опешил, а затем в гневе стряхнул чужую руку и в одиночку вернулся обратно на постоянный двор. Не оборачиваясь, он зашёл в свои покои и запер дверь на засов.

Евнух Сыси, наткнувшись на холодный приём, шёпотом спросил у подошедшего Дуань Байюэ:

— Почему Его Величество гневается?

— Потому что мы нашли доказательства преступлений Сюй Чжицю, — так же тихо ответил тот.

Сыси понимающе закивал:

— Ах, вот оно что.

Взглянув на закрытую дверь, Дуань Байюэ отправил старого слугу отдыхать, а сам уселся на ступени крыльца, созерцая луну.

□□□

Небо на востоке начало светлеть. Чу Юань отложил в сторону упорядоченные записи и с облегчением выдохнул. Ночные труды не прошли даром.

Снаружи, во дворе, Дуань Байюэ кормил паука насекомыми. Тварь была размером с кулак взрослого мужчины, покрытая черно-белыми полосами, и выглядела довольно жутко.

Чу Юань открыл дверь и застыл на месте от этой картины.

Дуань Байюэ:

— ...

— Что это за мерзость? — спросил Чу Юань

— Сам не знаю, — тот поднялся и небрежным движением смахнул паука. — Нашел сейчас в саду.

Ошарашенный белолобый крупный паук явно не понимал, за что хозяин вдруг лишил его половины законного обеда и бесцеремонно забросил в траву.

— Чего бы тебе хотелось на завтрак? — спросил Дуань Байюэ. — Я схожу куплю.

— Символы в тех счетах подчинены строгой закономерности, — заговорил Чу Юань о деле. — Если найти верный ключ, разобраться в них не составит труда.

— И к какому выводу ты пришёл? — осторожно прощупал почву Дуань Байюэ.

— Хоть я и скопировал всего несколько страниц, даже этих сумм достаточно, чтобы утверждать: Сюй Чжицю не просто берет взятки, он — казнокрад невиданных масштабов, — ответит тот.

— Вот это и странно, — покачал головой князь. — Для такого богатства нужен источник. Чем же он занимается втайне от всех, раз сумел сколотить подобное состояние, ещё и так, что простые люди ничего не замечают?

Чу Юань в задумчивости присел на ступеньку. Ответа на этот вопрос у него не было.

— Даже если разгадка не дается сразу, подкрепить силы необходимо, — заметил Дуань Байюэ. — Иначе ты превратишься не в мудрого правителя, а в бесплотного духа.

— Нужно найти способ заставить Сюй Чжицю самого выдать себя, — твердо произнес Чу Юань.

Дуань Байюэ кивнул:

— Хорошо.

Чу Юань невольно усмехнулся:

— Так легко соглашаешься?

— Раз уж я дал обещание, то обязательно найду способ его выполнить, — Дуань Байюэ присел рядом. — Однако у меня есть условие.

Чу Юань напрягся и повернулся к нему. Князь весело приподнял бровь:

— Княжество Юго-Запада никогда не упускает своей выгоды.

— И чего же ты требуешь на этот раз? — взгляд Чу Юаня сделался отстраненным, а голос похолодел. — Весь Юго-Запад и так принадлежит тебе.

Дуань Байюэ лишь мягко улыбнулся, поднялся и размашистым шагом покинул дворик.

Евнух Сыси, шедший навстречу, хотел было приветливо поклониться, но, поймав ледяной взгляд императора, поспешно опустил голову и замер, не смея проронить ни слова.

Вокруг воцарилась тишина. Полосатый паук робко выполз из травы и принялся доедать остатки насекомых, испуганно озираясь, дабы не оказаться раздавленным.

Сыси стоял поодаль, сокрушаясь в душе: еще вчера император и князь Синаня прекрасно ладили, что же стряслось между ними всего за одну ночь?

Примерно через полчаса, когда Чу Юань уже собирался вернуться в покои, Дуань Байюэ легко спрыгнул со стены обратно во двор.

— У князя Дуаня появились новые дела? — Чу Юань не смотрел на него.

Дуань Байюэ поймал его за запястье, завёл в комнату и закрыл дверь. В его голосе зазвучали теплые нотки:

— Свежая курица в ароматном соусе. Съешь всё без остатка, и тогда я помогу тебе.

Чу Юань:

— ...

Снаружи евнух Сыси затаил дыхание и вытянул шею, пытаясь хоть что-то расслышать.

Дуань Байюэ помыл руки, развернул промасленную бумагу и оторвал сочный, золотистый окорочок, с которого стекал аппетитный сок.

Чу Юань помедлил, прежде чем спросить:

— И это... твоё условие?

— А что же ещё? — Дуань Байюэ протянул ему курицу. — Ты три дня кряду сидел на пустой лапше. Кто помоложе — принял бы за нищего монаха, а не за повелителя Поднебесной.

Чу Юань лишился дара речи.

Дуань Байюэ сам с удовольствием откусил кусок мяса и вздохнул:

— Весь день проведешь на ногах, а вечером, наверное, тебя снова ждет миска пресной зелени. Надо хоть иногда есть как следует.

Чу Юань не знал, плакать ему или смеяться. Также помыв руки, он взял вареное яйцо из рассола. Услышав, что в комнате возобновилась мирная беседа, Сыси облегченно вздохнул и продолжил безмятежно созерцать облака, спрятав руки в рукава.

□□□

Прошёл ещё день. По городу поползли слухи, что император крайне недоволен работой магистрата Сюй и со дня на день отстранит его от должности, отзывав обратно в столицу.

Другие шептались, что простым отстранением дело не ограничится, но когда их расспрашивали о причинах, никто не мог ответить ничего внятного. Добавляли также, что тучи сгустились не только над самим управляющим, но и над его престарелым отцом, проживающим в столице.

Слухи множились, и вскоре эти разговоры долетели до ушей самого Сюй Чжицю.

Он окончательно потерял покой: ходил бледный, точно мышь, завидевшая кота, не мог проглотить ни куска и каждое мгновение со страхом ожидал вызова к повелителю.

В тот же день после полудня через задние ворота управы въехала телега, доверху груженная дровами. Несколько сопровождающих принялись помогать на кухне с разгрузкой, и лишь один худощавый, невысокий человек торопливо направился напрямик в задний двор.

Дуань Байюэ бесшумно спрыгнул с дерева и последовал за ним.

— Как ты смеешь являться сюда сейчас?! — Сюй Чжицю, сидевший в кабинете за написанием письма, внезапно почувствовал, как чья-то рука сжала ему горло, и пришел в неопишуемый ужас.

— Господину магистрату не стоит тревожиться, — человек освободил его от захвата. Голос оказался чистым и звонким — перед ним предстала женщина, переодетая простым дровосеком.

— Да в городе сейчас на каждом шагу императорская гвардия! — Сюй Чжицю в панике засновал по комнате.

— Потому вы и понимаете всю опасность положения, — усмехнулась гостья. — Даже трехлетние дети болтают, что император недоволен вашим правлением. Одними причитаниями делу не поможешь. Только если примете требования нашей главы, сможете сохранить своё место.

— Его Величество ещё в городе! Неужели нельзя подождать, пока он уедет? — прошипел Сюй Чжицю, скрежеща зубами.

— Если бы императора не было, вы бы вряд ли согласились подчиниться, — сказала женщина. — Если вы благоразумны, просто отдайте свои сокровища* из личной тайной казны. Наша глава — человек не кровожадный, преследовать не станет.

*金山 (Jīnshān) — букв. «золотая гора», не обязательно означает настоящую гору из золотых слитков. Это гиперболическое обозначение огромного богатства.

Дуань Байюэ, скрывавшийся поблизости, нахмурился. Утром они рассуждали о том, что этот чиновник — крупный вор, но чтобы накопить целую «золотую гору»... Это казалось невероятным.

Лицо Сюй Чжицю то бледнело, то наливалось багрянцем; в конце концов он бессильно рухнул в кресло, точно живой мертвец.

— А вы упрямы, господин магистрат, — покачала головой гостья, заметив его колебания. — Пока жива деревня Цюфэн, ваша казна никогда не опустеет. Потеряете сейчас — заработаете вновь. Была бы шея, а ярмо найдется*.

*青山在，不愁没柴烧 (líude qīngshān zài, bù pà méi cháishāo) — букв. «пока существуют зеленые горы, всегда будут дрова для костра», то есть пока жив, всегда есть надежда.

— Замолчи! — при упоминании деревни Цюфэн Сюй Чжицю затрясся ещё сильнее.

— Подумайте хорошенько. У нашей главы терпение не безгранично, — с этими словами женщина покинула кабинет.

Дуань Нянь, неотлучно следивший за усадьбой Сюй, получил знак от Дуань Байюэ и двинулся за ней, чтобы выяснить, куда она направится. Сам же правитель Синаня поспешил вернуться в казенное подворье.

— Деревня Цюфэн? — переспросил Чу Юань. — Если скакать во весь опор, можно добраться за полчаса. Места в Даяне мало, поэтому крупные брёвна и заготовки для повозок сперва обтесывают там, а затем привозят в городские лавки для сборки. После чего по реке Яньшуй сплавляют во все концы Великой Чу.

— Хочешь съездить, посмотреть? — предложил Дуань Байюэ. — Судя по их разговору, разгадка тайн Сюй Чжицю кроется именно там.

Чу Юань кивнул, но засомневался:

— А если нас узнают?

— Сменим обличие, делов-то, — легкомысленно отозвался князь.

— ...

С малых лет он обучался лишь боевым искусствам и премудростям правления, но никогда — искусству перевоплощения.

Дуань Байюэ улыбнулся:

— На юго-западе каждый второй — мастер перевоплощения.

Чу Юаню ничего не оставалось, кроме как покорно сесть на стул, позволяя чужим пальцам колдовать над его лицом.

Кожа на кончиках пальцев князя была прохладной и нежной. Дуань Байюэ, пряча улыбку, осторожно коснулся его щеки большим пальцем. Чу Юаню нестерпимо захотелось вышвырнуть наглеца вон.

Дуань Байюэ наклонялся все ближе, взгляд его сделался предельно сосредоточенным. Чу Юань невольно попытался отстраниться, но отступить было некуда — в итоге он практически прижался спиной к стене. Дуань Байюэ мягким движением приподнял его за подбородок.

Евнух Сыси, случайно заглянувший в щель окна, поспешно отвернулся, всем своим видом показывая, что решительно ничего не видел.

Лица их оказались так близко, что они едва не соприкасались кончиками носов. Ощувив чужое горячее дыхание, Чу Юань потерял терпение и с силой оттолкнул второго мужчину.

Дуань Байюэ изобразил искреннее недоумение:

— Что случилось?

Чу Юань вытер лицо и сквозь зубы процедил:

— Я никуда не поеду. Пусть этим займётся Сян Ле.

— Всё ведь уже готово. Если не поедешь, к чему тогда это всё было? — Дуань Байюэ поднес к его лицу бронзовое зеркало. — Ну как, доволен?

В зеркале отражалось лицо с заурядными чертами, тусклым взглядом и даже парой веснушек — вылитый провинциальный торговец.

— Давай всё же съездим, здесь всё равно тоска смертная, — Дуань Байюэ взял вторую маску и ловко закрепил её на собственном лице.

Чу Юань с подозрением нахмурился, что тот так быстро смог это сделать.

Дуань Байюэ невозмутимо пояснил:

— Путешествую по цзянху мне часто приходилось менять обличье, так что рука набита.

— ...

— Идём, — негромко бросил Байюэ. — Деревня Цюфэн*... Звучит неплохо.

*□□ (qiū fēng) — осенний ветер; осенний бриз.

В тех краях часто бывали купцы, присматривавшие товар, так что появление двоих чужаков никого не удивило. У обочины резвились ребятишки. Дуань Байюэ сорвал стебель дикого цветка и вытянул сладкую сердцевину:

— Хочешь?

— Есть? — Чу Юань немного брезгливо приподнял бровь.

— Оно сладкое, — заверил князь.

Чу Юань ответил решительным отказом. Рождённый в императорской семье, он едва ли дожил бы до сегодняшнего дня, если бы в детстве тащил в рот всё, что попадалось под руку.

— Пока я рядом, никто и ничто не посмеет причинить тебе вред, — словно прочитав его мысли, Дуань Байюэ тепло улыбнулся. — Это называют «сердцевиной фонарика», у нас на Юго-Западе этим усыпаны все склоны.

Чу Юань сделал вид, будто не расслышал, и ускорил шаг, направляясь к жилым постройкам.

Поскольку деревня кормилась плотницким ремеслом, здешние ворота и вывески были сработаны куда изящнее, чем в обычных селениях. Во дворах мужчины пилили бревна, а женщины плели циновки. Повсюду громоздились заготовки для повозок. Завидев путников, крестьяне приветливо улыбались, принимая их за заезжих купцов.

Они обошли всю деревню, но так и не заметили ничего подозрительного. В каждом доме кипела привычная работа, никто ничего не прятал, а некоторые радушные хозяева даже зазывали их на чашку чая. Это меньше всего походило на место, где хранятся тайны.

У самого края деревни, в одном из дворов, мужчина, обливаясь потом, прилежно орудовал пилой. Дуань Байюэ и Чу Юань вошли внутрь и попросили воды.

— Разумеется, — плотник отложил инструмент и вскоре вынес им пиалы с водой. — Вы, господа, за товаром, наверное, прибыли?

— Верно, — кивнул Дуань Байюэ. — Хотим заказать партию колёс для повозок. У вас во дворе лежит много готовых деталей, вот и решили заглянуть.

— Заказы принимают в городских лавках Даяня, — ответил мужчина. — Мы здесь только детали точим, у каждого двора своя работа. А собирают и продают уже в городе.

— Вот оно как, — прикинулся удивленным Дуань Байюэ. — Значит, вы делаете только колёса?

— Еще ножки для столов и деревянные шкатулки, — мужчина утер пот со лба.

— Шкатулки? — переспросил князь. — Для женских румян и украшений?

— Не знаю, — ответил мастер. — Мы все здесь просто ремесленники, мы не знаем, что там

продаётся. Из городских лавок присылают чертежи — мы по ним и работаем.

— Выглядит довольно массивно, вряд ли такая вещь придется по душе благородной девушке, — Дуань Байюэ взял в руки одну из коробок. — Судя по тому, как ловко вы работаете, вы этим занимаетесь уже давно.

— Колеса-то ещё деды мои делали. А вот эти ящички мы всего пару лет как освоили, но расходятся они лучше всего, — плотник, истосковавшийся по беседе, охотно разговорился. — В месяц уходит не меньше двухсот штук.

— Выглядит добротно, — сказал Дуань Байюэ. — Могу я купить один?

Мужчина виновато развел руками:

— Никак нельзя. Господин У строго-настрого наказал: эти шкатулки нельзя отдавать посторонним, сколько бы те не платили.

— Вот как... — Дуань Байюэ изобразил сожаление. — Прошу прощения за мою дерзость.

— Что вы, господин, не извиняйтесь, — замахал руками плотник. — Будь это моя личная вещь — берите сколько хотите. Но уговор дороже денег. Если вам и правда нужно, едьте в Даянь, в каретную лавку семейства У, поспрашивайте там. Я все готовые шкатулки туда отвожу.

Дуань Байюэ кивнул:

— Благодарю за подсказку.

Они посидели еще немного, осушили пиалы и покинули деревню, неспешно возвращаясь по тропе.

— Что странного ты заметил в той деревянной шкатулке? — спросил Чу Юань.

— Странного вроде ничего, вот только в быту такая вещь бесполезна, — ответил Дуань Байюэ. — Нескладная, грубая, да и много туда не положишь. По всем законам торговли, они должны были пылиться в сарае, а не расходиться сотнями.

— Разузнаем в городе, — подытожил Чу Юань. — Лавка семейства У находится недалеко от нашего подворья, я и раньше примечал её. Торговля там, кажется, идёт хорошо.

Дуань Байюэ согласился, и они вместе вернулись в Даянь.

<http://bllate.org/book/14135/1725974>